

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7774904>

УДК 811.161.2

Савицкая Е.В.

Савицкая Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Две языковых картины мира: единство противоположностей

Аннотация. В статье рассматривается соотношение житейско-обыденной («наивной») картины мира, которая содержится в общеупотребительном языке, и научной картины мира, которая заключена в терминсистемах. Показано, что эти картины мира переплетены в сознании современного цивилизованного человека и в целом совмещаются достаточно органично, хотя наблюдаются и некоторые расхождения между ними. Подчеркивается: познающий субъект в наше время осознаёт наивность обыденного видения мира, и всё же в бытовой обстановке ему удобнее исходить из традиционного, а не из научного взгляда на действительность. На ряде примеров демонстрируется тот факт, что картина мира – это не единственная абсолютно достоверная и неизменная данность, а сменное орудие мировосприятия, мышления и общения. В качестве материала исследования в статье использованы данные английского языка.

Ключевые слова: ближайшее / дальнейшее значение слова, внутренняя форма языковой единицы, «наивная» / научная картина мира.

Savitskaya E.V.

Savitskaya Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, 443090, Samara, 65/67 Maxim Gorki Street. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Two worldviews: a unity of opposites

Abstract. The article contains analysis of the relationship between the everyday (“naïve”) view of the world comprised in the common language, and the theoretical worldview comprised in terminological systems. The author shows that the two worldviews are intertwined in a modern civilized person’s mind and, on the whole, blend quite well, despite certain discrepancies between them. Nowadays the subject of cognition realizes the naïveté of the ordinary vision of the world, but in everyday life situations he finds it more convenient to resort to the traditional rather than scientific view of reality. A number of examples demonstrate the fact that the view of the world is not the single, undoubtedly authentic, unchangeable reality; it is a substitutable in-

strument of world perception, as well as thinking and communication. The research is based on the English language material.

Key words: the original / further lexical meaning, the internal form of a language unit, the naïve / scientific view of the world.

Как известно, язык, выполняя кумулятивную функцию, включает в себе традиционную («наивную») картину мира, основанную на обыденно-житейских представлениях, зафиксированную в семантике общеупотребительных слов и оборотов речи, и научную картину мира, запечатленную в семантике терминов. Наблюдения показывают, что на современном этапе развития цивилизации научная и «наивная» картины мира проявляют тенденцию к слиянию в сознании людей. В наше время в развитых странах любой взрослый человек получил по меньшей мере среднее образование, в котором большое внимание уделено формированию научной картины мира. В сознании людей сведения, почерпнутые в учебных заведениях, переплетены с информацией, полученной в онтогенезе непосредственно из окружающей обстановки. В результате у многих языковых единиц создается соответствующий вид многозначности: одно из значений относится к обыденному языку, а другое – к языку науки. В порядке иллюстрации приведем два значения английского названия *common salt* (рус. поваренная соль), приведенные в статье толкового словаря [5]:

1) “a white crystalline substance used for seasoning or preserving food” (белое кристаллическое вещество, применяемое как приправа и для консервации пищевых продуктов);

2) “a chemical compound NaCl formed from the reaction of hydrochloric acid HCl with sodium hydroxide NaOH” (химическое соединение NaCl, образуемое реакцией соляной кислоты HCl с гидроксидом натрия NaOH).

В приведенном примере содержатся житейско-практическое и научно-теоретическое понимание того, что представляет собой этот объект номинации; двоякое понимание отражено в двух зна-

чениях словосочетания. Эти значения не имеют отдельных десигнаторов; они совместно входят в семантическую структуру одного и того же названия *common salt*. В ряде толковых словарей (например, [8]) они даже слиты в единое значение: “sodium chloride – a chemical compound in crystalline form, abundant in nature, used to season and preserve food” (хлористый натрий – химическое соединение в кристаллической форме, в изобилии встречающееся в природе, применяемое в качестве приправы, а также

для консервации пищевых продуктов).

Как известно, А. А. Потебня [4] различал ближайшее и дальнейшее значения слова. Ближайшее значение слова содержит исходное, основанное на непосредственном сенсорном опыте представление об объекте номинации, а дальнейшее значение включает в себе итог последующего познания объекта. Например, обыденное сознание осмысливает звёзды как крохотные мерцающие точки на ночном небосклоне; научное сознание – как колоссальные массивы вещества, в недрах которых непрерывно протекает термоядерная реакция; мифологическое сознание – как очи небожителей, созерцающих Землю с небес; как обиталища блаженных душ; украшения на хитоне Бога и др. В древности мифологические представления понимались буквально, а ныне они трактуются как художественная условность (символические образы). Но между ними есть много общего; это общее отражено в значении термина мифопоэтика.

Наблюдения показывают: сознание среднестатистического представителя цивилизованного мира в наше время характеризуется наличием когнитивной бифуркации (раздвоения).

В повседневной жизни субъект думает о звёздах на основе визуальной очевид-

ности, а в научно-популярном дискурсе он мыслит их так, как ему разъяснили школьные учителя на уроках физики и астрономии. Как ни странно, в его сознании эти весьма различающиеся представления уживаются друг с другом в целом достаточно гармонично. Познающий субъект в наши дни понимает всю наивность обыденного видения мира, однако в бытовой обстановке ему гораздо удобнее исходить из традиционного, нежели из научно-теоретического взгляда на действительность.

Во многих случаях старые и новые представления хорошо согласуются, не противореча друг другу. Например, англичане первоначально были знакомы только с внешней стороной болезни, которую они именовали словом *jaundice* (от франц. *jaune* “желтый”; рус. желтуха) по заметному признаку – желтизне наружной оболочки глаз и кожи. Но со временем медицинские изыскания дали возможность выявить внутреннюю сущность этого заболевания, состоящую в том, что оно представляет собой воспаление печени. Болезнь получила новое название – *hepatitis* (от лат. *hepar* / *hepatis* “печень”, *-itis* – формант, который обозначает воспаление; рус. гепатит), а название *jaundice* стало относиться к симптому данной болезни. Когниция преодолела путь от феномена (явления) к его сущности (ноумену). В рассматриваемом случае житейское и медицинское представления об объекте скоординированы.

Но иногда научное и житейское представления о фрагменте мира не согласуются друг с другом. Так, научное представление о ракообразных как о подтипе членистоногих не совпадает со стародавним английским народным представлением о них как о ползающих рыбах – *crawfish* < *craw* от голландск. *krabbelen* “скрести; ползать” + *fish* “рыба” (по этимологическому словарю [7]).

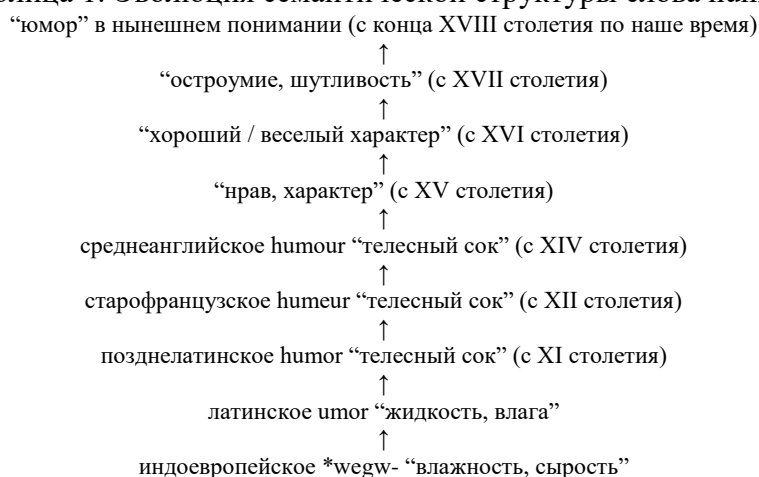
Как видим, старое представление о ракообразных зафиксировано во внутренней форме слова, а новое – в его нынешнем значении.

Но такие несовпадения, как правило, не являются помехой для верного понимания явлений бытия. Вопреки декларациям радикальных приверженцев гипотезы Сепира – Уорфа, давние представления о реальности в наше время не трактуются буквально; превращаясь во внутреннюю форму единиц языка, они ныне воспринимаются как условность.

Как отметил М. М. Маковский [3, с. 5], семантика лексемы предстает в диахронии в виде вертикали культурно-исторических смысловых наслоений.

В качестве примера ниже приводится эволюция спектра значений английского имени существительного *humour*. Согласно толковому словарю [6], вертикаль смысловых наслоений слова *humour*, отражающая эволюцию его семантической структуры, имеет следующий вид (см. Табл. 1):

Таблица 1. Эволюция семантической структуры слова *humour*

Эта вертикаль дает возможность убедиться, что для всякого следующего значения предшествующее является внутренней формой. Все предшествующие значения в большей или меньшей степени способствовали возникновению следующих значений. Вопрос заключается в том, на каком этапе развития семантики слова познающий субъект останавливается. В качестве примера рассмотрим семантическую структуру (спектр значений) английского имени существительного *gravity* (“тяжесть; тяготение”).

Те субъекты, которые мыслят лишь в рамках житейского обыденного сознания, осмысливают данное слово на начальном этапе его семантической эволюции: *gravity* для них – это тяжесть, с наидревнейших эпох ощущаемая на уровне физических чувств.

Те субъекты, которые проходили физику в средней школе и понимают окружающий мир на данном уровне когниции, осмысливают *gravity* как силу взаимного притяжения материальных предметов, которая объясняется законом всемирного тяготения Ньютона.

Те субъекты, которые разбираются в релятивистской физике на уровне высшего естественнонаучного образования, осмысливают *gravity* не как силу механического взаимодействия предметов, а как искривление пространства-времени, которое объясняется теорией относительности Эйнштейна.

Мы убеждаемся, что на одном и том же синхроническом срезе могут активизироваться разные этапы эволюции семантики слова. Что для одних представителей лингвокультуры выступает как значение слова, то другие ее представители мыслят как внутреннюю форму последующего (в терминологии

А. А. Потебни [4] – дальнейшего) значения.

В ряде своих работ Ю. М. Лотман ([1]; [2] и др.) подчеркивал: наука, с одной

стороны, и культура, с другой, фигурально выражаясь, являются собой два глаза, которыми человечество смотрит на мир. Они представляют этот мир с двух разных, однако скоординированных точек зрения, а именно понятийной (логической, рациональной) и образной (мифопоэтической), обеспечивая тем самым «стереоскопическое» видение действительности. На базе терминосистем создается понятийное видение, в то время как на базе тропов (изобразительно-выразительных средств) обыденного, фольклорного и художественного языка формируется мифопоэтический (образный) взгляд на окружающий мир.

Терминологические системы моделируют действительность посредством «сетки» точных логических понятий, которая накладывается на определенную предметную область. Фигуры речи и тропы, которые входят во вторичные моделирующие системы (художественные языки), моделируют мир не логико-понятийными, а образными средствами. Образные представления о реальности трактуются буквально (в рамках мифологического сознания) или же как художественная условность (в рамках цивилизованного сознания), но в любом случае образное отражение мира характеризуется наличием ярко выраженной специфики в сравнении с его понятийным отражением.

Сопоставим научно-логический и культурно-мифологический взгляды на действительность. Ниже приводится пример, в котором две картины одного и того же природного явления, а именно захода солнца, совпадают денотативно (по отражаемой области действительности), но не совпадают сигнификативно (по презентации этой области в человеческом сознании).

Этот пример наглядно демонстрирует, сколь существенно могут отличаться друг от друга ментальные модели одного и того же феномена (см. Табл. 2):

Таблица 2. Отражение фрагмента действительности
в рамках научно-языковой и культурно-языковой картин мира

Картины мира	
Научно-языковая (физическая)	Культурно-языковая (мифопоэтическая)
Due to the Earth's axial rotation the geolocation point crossed the terminator line and quit the solar radiation area. (Из-за осевой ротации Земли геолокационная точка пересекла терминатор и покинула зону солярной радиации.)	The gorgeous sun has rolled down beyond the blue mounts to slumber till clear morn. (Красно солнышко закатилось за сини горы почивать до ясного утра.)

Развитие высоких технологий, наблюдаемое в современную эпоху, ведет к увеличению наукоёмкости всех областей жизни людей и повышению уровня образованности в массовом масштабе. Росту эрудиции способствуют и СМИ, помогая формировать у населения сциентизированную картину мира.

В нынешнюю эпоху люди всё в меньшей мере осуществляют мышление в категориях наивного житейского опыта, которые опираются на мифы, и даже в бытовой обстановке всё в большей степени мыслят сциентизированно. Ныне даже в бытовом дискурсе можно встретить рассуждения о «поступающих из арктических регионов воздушных массах, создающих мощный антициклон» (новости в рубрике «Погода на завтра»), о «коагуляции белка при жарке мяса, которая сопровождается термическим разрушением витаминов и образованием канцерогенов» (сведения из телепередачи о здоровом питании) и т.п. И всё это обсуждается в бытовой обстановке, в русле решения сугубо рутинных задач – приготовления ужина, сушки белья и т.п. Народная картина мира старается идти в ногу со временем и поспевать за поступью технического прогресса.

Тем не менее, в коллективном сознании представителей лингвокультуры старая наивная картина мира, которая развивалась в течение сотен и тысяч лет, до сих пор удерживает свои позиции и всё так же сосуществует с современной научной картиной мира. В быту людям пока еще в целом легче и комфортнее думать и отражать мир в традиционных, чем в научно-технических понятиях.

Люди современной эпохи понимают связь между наивно-традиционными и на-

учно-техническими представлениями, однако они не в состоянии до конца сменить обыденные представления на современные и освоить научные способы их вербального выражения. Например, высказывание *The wind is blowing* (ветер дует) восходит к германо-скандинавскому мифологическому представлению о том, как бог воздуха и дыхания (Ньорд или Кари) дует, раздувая щеки (*blow* от прагерманск. **blæanan* “выдыхать, выдувать воздух”). Персонифицированное изображение ветра нередко помещалось на старинных географических картах.

Высказывание *The wind is blowing* было бы неуместно заменить в бытовом дискурсе научной формулировкой *The atmospheric pressure gradient causes horizontal translocation of air masses* (градиент атмосферного давления вызывает горизонтальное перемещение воздушных масс). Можно убедиться, что выбор картины мира обусловлен типом дискурса. Как выяснилось, можно менять картину мира, словно маску, исходя из конкретных познавательных, прагматических, коммуникативных нужд. Картина мира стала осмысливаться не как несомненно достоверная, единственная и неизблемая данность, а как сменное орудие миропонимания, мышления и общения.

Разум человека принципиально отличается от искусственного интеллекта тем, что он отражает реальность не только математическими и логическими средствами. Биоэволюция снабдила человека способностью моделировать мир с помощью чувственных образов. Эти образы и поныне составляют основу человеческого восприятия окружающего мира; научная картина мира опирается на них, будто на фунда-

мент. Самобытность научной картины мира в некоторой степени обусловлена спецификой органов чувств, особенностями человеческой психологии, унаследовавшей ряд важных черт от наших животных предков, и в

целом биологической природой человека.

Итак, выше мы постарались показать, в каких отношениях состоят разные виды картин мира и что представляет собой «стереоскопическое» видение этого мира: сквозь призму значений слов и сквозь призму внутренней формы – смысловых пластов, которые вместе образуют семантическую систему языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа: Сб. науч. тр. / сост. А.Д. Кошелев. М.: Гнозис, 1994. С. 17-258.
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука, 2018. 704 с.
3. Маковский М. М. Предисловие // М.М. Маковский. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. Магадан: Трамвай, 2011. С. 3-8.
4. Потеня А. А. Мысль и язык. М.: Юрайт, 2016. 290 с.
5. Collins English Dictionary / P. Hanks (ed.). London, Glasgow: William Collins Sons and Co. Ltd., 2018. 2336 pp.
6. Concise Oxford Dictionary of Current English / H. W. Fowler, F. G. Fowler, R. E. Allen (eds). Oxford: Clarendon Press, 1969, reprint 2011. 1044 pp.
7. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam, London, New York: Elsevier Publishing Co., 2013. 844 pp.
8. Merriam-Webster Dictionary. Springfield (Massachusetts): Merriam-Webster, Inc., 2016. 813 pp.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics // Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school: Collection of scientific tr. / comp. A.D. Koshelev. M.: Gnosis, 1994. pp. 17-258.
2. Lotman Yu. M. The structure of a literary text. Analysis of the poetic text. Moscow: Azbuka, 2018. 704 p.
3. Makovsky M. M. Preface // M.M. Makovsky. Comparative Dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: The Image of the world and the worlds of images. Magadan: Tramway, 2011. pp. 3-8.
4. Potebnya A. A. Thought and language. M.: Yurayt, 2016. 290 p.
5. Collins English Dictionary / P. Hanks (ed.). London, Glasgow: William Collins Sons and Co. Ltd., 2018. 2336 pp.
6. Concise Oxford Dictionary of Current English / H. W. Fowler, F. G. Fowler, R. E. Allen (eds). Oxford: Clarendon Press, 1969, reprint 2011. 1044 pp.
7. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam, London, New York: Elsevier Publishing Co., 2013. 844 pp.
8. Merriam-Webster Dictionary. Springfield (Massachusetts): Merriam-Webster, Inc., 2016. 813 pp.

Для цитирования:

Савицкая Е.В. Две языковых картины мира: единство противоположностей // Гуманитарный научный вестник. 2023. №3. С. 1-6. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/03/Savitskaya.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7778044>

УДК 81-2

Савицкий В.М.

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Устойчивость лингвистических единиц: факторы, градация, типология

Аннотация. В статье рассматриваются признаки, которые образуют понятие «устойчивость лингвистических единиц». Описываются факторы возникновения устойчивости. Показывается, что устойчивость градуальна. Ее можно представить как произведение значений трех параметров: степень массовости употребления, степень неизменности формы, степень долговечности единицы. Отмечается, что малое значение одного из параметров способно компенсироваться большими значениями двух других параметров. Выделяются типы устойчивости: системно-языковая, нормативно-речевая, культурная. Демонстрируется наличие «буферной зоны» между корпусами единиц языка и единиц речи; в нее входят единицы, совмещающие в себе системно-языковые и нормативно-речевые признаки. Анализ проведен на материале английского языка.

Ключевые слова: языковая / речевая / лингвистическая единица, дихотомия “язык – речь”, системно-языковая / нормативно-речевая / культурная устойчивость.

Savitsky V.M.

Savitsky Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, 443090, Samara, 65/67 Maxim Gorki Street. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Stability of Linguistic Units: Its Factors, Gradation, Typology

Abstract. The article contains description of the features comprising the notion of stability of linguistic units. The author reveals the factors that determine the emergence of stability; shows that stability is a matter of degree which can be represented as a product of the values of three parameters (the degree of mass usage, that of immutability and that of durability); notes that a small value of one parameter can be compensated by large values of the other two parameters; analyses the types of stability (language stability, normative stability, cultural stability); points out the existence of a “buffer zone” between the corpora of language units and speech units, which includes units combining language features and speech features. The analysis is based on the English language material.

Key words: language unit, speech unit, linguistic unit, the “language – speech” dichotomy, language stability, normative stability, cultural stability.

Как известно, отнесение слов, словосочетаний и высказываний к числу единиц языка или же к числу единиц речи определяется тем, обладают ли они таким свойством, как устой-

чивость. В работах [3], [6] и ряде других описаны признаки, из которых складывается понятие “устойчивость”; среди них главные – это воспроизводимость в готовом виде; наличие инварианта в плане

содержания и в плане выражения в рамках определенной (как правило, весьма ограниченной) вариантности; большая или меньшая конвенциональность значения. Наличие устойчивости свидетельствует о принадлежности единицы к языку, а отсутствие устойчивости – о принадлежности единицы к речи.

На первый взгляд это представляется отчетливым критерием разграничения языковых и речевых единиц. Но наблюдения показывают: дело обстоит сложнее. Более пристальный взгляд на устойчивость приводит к выводу, что это явление многофакторное, градуальное и разнотипное, а демаркационная линия между системой языка и стихией речи размыта; кроме того, принадлежность к корпусу языковых или же к корпусу речевых единиц есть вопрос степени.

В данной связи представляется целесообразным использовать обобщающий термин лингвистическая единица, который охватывает как единицы языка, так и единицы речи. Перед лингвистами стоит задача обоснованно разделить множество лингвистических единиц на подмножества языковых и речевых единиц и выявить «буферную зону», в которую входят единицы, совмещающие в себе языковые и речевые свойства в той или иной пропорции.

В данной статье мы вкратце рассмотрим лишь некоторые грани этой масштабной проблемы: факторы возникновения устойчивости, ее степени и типы.

Обращаясь к вопросу о факторах, вызывающих появление устойчивости у лингвистических единиц, отметим, что некоторые свойства, которые учитываются исследователями в качестве показателей устойчивости, с иных позиций предстают как ее факторы. Один из них – конвенционализация значения единицы, которая превращает ее в устойчивую. Например, английское словосочетание *three tailors from Tooley Street* (букв. “трое портных с улицы Тули”, перен. “самозванцы”) не было устойчивым в момент

своего возникновения, т.к. его значение “самозванцы” было в тот момент мотивировано историческим эпизодом: трое портных с улицы Тули подали в Британский парламент петицию, которая началась словами «Мы, английский народ ...» [2]. Позднее, употребляясь в отрыве от исходной ситуации в данном значении, это словосочетание обрело семантическую конвенциональность, которая привела к появлению у него устойчивости; при отсутствии устойчивости значение “самозванцы” не смогло бы закрепиться за данным словосочетанием.

Другим фактором устойчивости выступает употребление лингвистической единицы в качестве десигнатора (означающего) для постоянной семантической единицы (понятия или концепта, кодифицированного в данной лингвокультуре) – например, англ. *internal combustion engine* (двигатель внутреннего сгорания). Если произвести синонимические замены (*internal* → *inner*; *combustion* → *burning*; *engine* → *motor*), то возможны коммуникативные сбои: реципиенты могут усомниться, действительно ли имеется в виду знакомый и привычный им объект номинации – двигатель внутреннего сгорания.

Обретению устойчивости способствует также структурное совершенство лингвистической единицы, ее эстетические качества. В частности, обретению устойчивости формы в плане выражения лингвистической единицы помогают средства фонетического повтора – аллитерация, ассонанс, рифма, стихотворная метрика, метатеза и др. Устранение повтора при произвольных трансформациях плана выражения ведет к потере складности (гармонии содержания и выражения). Так, например, замена лексем в английском компаративном обороте *as busy as a bee* “трудолюбивый как пчёлка” (*busy* → *diligent/industrious*; *bee* → *honeybee / apis*) приводит к исчезновению инициальной рифмы [bi – bi:], а также стихотворного размера ([əz 'bi / zi əz / ə 'bi:] – трехстопный ямб с пиррихием). Это нарушает складность данного оборота, тем

самым снижая его экспрессивность и эмотивную оценочность, а значит, и шансы на обретение и сохранение устойчивости.

Отметим, что складность характерна не только для фразеологизмов, которые участвуют в выполнении поэтической функции языка, но и для многих других, более «прозаических» единиц – например, номенклатурных названий типа англ. house mouse “домовая мышь”, содержащего рифму. Здесь теоретически возможны варианты без повтора (domestic / home mouse), но устойчив именно этот вариант.

Ср. также: hot pot (рифма) “тушеное мясо с овощами”, hot-water bottle (повтор [ɔt – ɔ:t – ɔt]) “грелка”, medicine man (аллитерация [m-n – m-n]) “знахарь” и т.п. Повтор снижает вариативность, тем самым повышая устойчивость единиц.

В ряду факторов появления устойчивости у лингвистических единиц нужно упомянуть и тиражирование текстов, содержащих лексические окказионализмы и индивидуальные обороты речи; тиражирование происходит через литературу, публицистику и СМИ.

Множественное воспроизведение текстов способствует популяризации единиц речи и созданию традиции их массового употребления – первоначально в виде цитаций и крылатых слов типа big stick policy “политика большой дубинки” (автор Т. Рузвельт), gentleman’s agreement “джентльменское соглашение” (автор Дж. П. Морган), а позднее в отрыве от первоисточника, с забвением авторства, в виде штампов и клише типа exquisite pleasure “изысканное удовольствие”, fundamental principle “основополагающий принцип” и т.п.

Устойчивость придается речевой единице языковым коллективом, который «голосует» за нее, массово употребляя ее в готовом виде и тем самым превращая индивидуальное творение в общее достояние. Этой «чести» удостоиваются лишь те произведения речи, которые обладают указанными свойствами; устойчи-

вость тем выше, чем сильнее и многочисленнее ее факторы.

Далее обратимся к вопросу о степени устойчивости лингвистической единицы. Мы считаем, что ее можно представить как произведение значений трех параметров: степень массовости употребления × степень неизменности × степень долговечности. Малое значение одного из параметров способно компенсироваться большими значениями двух других параметров.

Например, многие термины, сленгизмы, жаргонизмы и публицистические штампы вскоре устаревают и уходят из употребления вследствие быстрых темпов эволюции современной культуры и цивилизации. Недолговечность такого рода лингвистических единиц компенсируется их широким применением в более или менее неизменной форме в течение их короткой жизни. На этом основании можно констатировать, что такие единицы характеризуются высокой устойчивостью на определенном синхроническом срезе развития языка.

Некоторые историзмы (e.g. battle axe “секира”) и архаизмы (e.g. kith and kin “родня”), напротив, характеризуются узкой сферой употребления на современном этапе, однако их большая долговечность и структурная неизменность позволяют говорить об их высокой устойчивости.

Если же какой-либо термин, клише или штамп используется не только не долго, но и не массово (в ограниченной группе текстов), тогда не приходится говорить о его высокой устойчивости.

Добавим, что на разных синхронических срезах истории существования той или иной единицы у нее может наблюдаться разная степень устойчивости. Так, уменьшение либо увеличение количества вариантов лингвистической единицы повышает или, соответственно, снижает его устойчивость. Популяризация ранее малоупотребительного оборота расширяет сферу его применения; пребывая у всех на слуху и у всех на устах, он

тем самым становится более устойчивым. Это произошло, в частности, с английским фразеологизмом *to change horses while crossing a stream* (букв. “менять коней на переправе”): малоупотребительный в прежние времена, он был популяризирован А. Линкольном в 1864 г. в Балтиморе на съезде Республиканской партии и в результате вошел в широкое употребление [2].

С учетом того, что рассматриваемый оборот имеет давнее происхождение и к тому же маловариантен (имеется лишь вариант *to change horses in the midstream* букв. “менять коней на середине потока”), можно утверждать: в наше время он высокоустойчив по всем трем параметрам.

Обращаясь далее к вопросу о типах устойчивости лингвистических единиц,

отметим, что эта типология представляет немалые трудности для исследователей.

В искусственных знаковых системах (формализованных языках), которые устроены гораздо проще, чем естественные языки, граница между устойчивыми и неустойчивыми единицами очерчена резко и четко. В них имеется ограниченный набор единиц, которые изначально считаются устойчивыми в составе данной знаковой системы. В рамках формализованных искусственных языков понятия “языковая единица” и “устойчивая единица” тождественны.

Из единиц таких языков по правилам системы строятся высказывания и тексты, которые считаются неустойчивыми (речевыми) единицами. В рамках такого рода систем понятия “речевая единица” и “неустойчивая единица” тоже тождественны.

Устойчивость единиц формализованных языков обусловлена лишь конвенцией, не градуальна и не делится на типы. Дихотомия “язык – речь” четко устанавливается. Например, знаки, составляющие уравнение, представляют собой устойчивые единицы языка математической символики, а само уравнение есть

неустойчивое (речевое) высказывание на этом формализованном языке [1].

Напротив, во вторичных моделирующих системах (художественных языках) границы между знаком и текстом, а также между кодом и сообщением размыты подчас вплоть до их полного исчезновения, так что семиологи нередко оперируют синтетическими понятиями “знак-текст” и “код-сообщение” [4; 5].

Что касается естественных языков, они занимают срединную позицию между двумя вышеназванными типами знаковых систем. В них в определенной пропорции совмещены ригидность, свойственная формализованным языкам, и мобильность, присущая художественным языкам. В этих языках границы между языком и речью, между корпусами устойчивых и неустойчивых единиц размыты, но не настолько, насколько они размыты во вторичных моделирующих системах. Члены дихотомии “язык – речь” разделены не отчетливо, но и не слиты воедино. Имеется длинный плавный переход “язык ↔ речь”, который представляет собой скорее континуум, чем многоступенчатую дискретную шкалу. Именно это создает трудности при разграничении языковых и речевых, устойчивых и неустойчивых единиц; в естественных языках эти пары понятий не тождественны.

Этим же обстоятельством вызваны трудности, возникающие при выделении типов устойчивости: проблемы с разграничением языка и речи влекут за собой проблемы с типологией устойчивых лингвистических единиц. Решение тех и других проблем вынужденно носит в той или иной мере условный характер. Здесь критерием служит коллективное мнение лингвистов.

Те лингвистические единицы, которые всеми учеными считаются системно-языковыми (зафиксированные в словарях слова, идиоматичные обороты, паремии, терминологические сочетания слов), в русле нашей концепции позиционируются как единицы, характеризующиеся на-

личием системно-языковой устойчивости.

Те сочетания слов и высказывания, принадлежность которых к языковой системе не признаётся или ставится под вопрос большей частью лингвистов, но которые всё-таки устойчивы, – такие единицы обладают свойством, которое мы назвали нормативно-речевой устойчивостью. В данную группу единиц входят клише, штампы, изречения, крылатые слова и малые формы фольклора. Они пребывают в «надязыковом» пространстве нормы и узуса речи.

Устойчивые словесные произведения сверхфразового уровня (анекдоты, страшилки, загадки и тому подобные образцы современного фольклора, тексты ритуалов, типовые тексты документов, тексты рекламы и т.д.) имеют культурную устойчивость. Они располагаются в культурном пространстве; культура при этом предстаёт в семиотическом аспекте как знаковое явление.

Определенная условность вышеописанной типологии устойчивости вызвана тем, что она базируется не на одном, а на ряде различных оснований, к тому же носящих размытый характер.

Во-первых, это – частично – типология по уровням языковой иерархии, но есть и такие случаи, когда лингвистические единицы одного и того же уровня характеризуются разными типами устойчивости.

Во-вторых, это отчасти типология по степени устойчивости, однако она распространяется не на все лингвистические единицы, которые принадлежат к тому или иному разряду, а только на их большую часть,

В-третьих, это типология по анонимности / авторской принадлежности, но и данный критерий нечеток: порой авторство находится под вопросом.

Обобщая всё вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам.

Лингвистические единицы, обладающие системно-языковой устойчивостью, – это такие единицы, которые от-

носятся к лексическому и фразовому уровням языка, в целом имеют высокую степень устойчивости и чаще всего анонимны.

Лингвистические единицы, имеющие нормативно-речевую устойчивость, – это такие сочетания слов и высказывания, которые в целом характеризуются средней степенью устойчивости и зачастую авторской принадлежностью.

Лингвистические единицы, характеризующиеся культурной устойчивостью, – это сверхфразовые единства и тексты, демонстрирующие широкий спектр степеней устойчивости (нередко малую устойчивость) и в большинстве случаев являющиеся авторскими.

Вероятностный, размытый характер перечисленных критериев приводит к тому, что между вышеописанными тремя типами лингвистических единиц есть своего рода буферные зоны; под ними мы понимаем корпусы единиц, имеющих признаки разных типов устойчивости и по этой причине обладающих не совсем отчетливым статусом по показателю устойчивости.

Такие единицы принадлежат к смешанному типу. К примеру, целый ряд клише и штампов (нормативно-речевых единиц) типа *bitter cold / envy / doubt / frost / pain / suspicion* и др. (сильный мороз / зависть / сомнение / боль / подозрение и т.п.) бывает нелегко отграничить от фразеологических сочетаний (системно-языковых единиц по В.В. Виноградову) – таких, как *to render assistance / service / help / aid / pressure* (оказывать содействие / услугу / помощь / давление). Различие между ними заключается в количестве лексических переменных, вписывающихся в лексико-синтаксическую модель, однако это количество устанавливается условно.

Еще один пример единиц смешанного типа: изречения и крылатые слова представляют собой не только единицы нормативно-речевого плана, но также фрагменты культуры. На этом основании можно утверждать, что они, помимо

нормативно-речевой устойчивости, характеризуются также наличием культурной устойчивости. В ходе установления типа устойчивости оппозиция “фразовость: сверхфразовость” в них отодвигается на задний план.

Размытость границ между этими таксономическими рубриками является не недоработкой типологов, а объективным фактом, который говорит о взаимном проникновении речи, языка и культуры в лингвокультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов П. Н. Принципы моделирования языка (на материале вспомогательных языков для автоматического поиска и перевода). М.: изд-во Московского университета, 1965. 204 с.
2. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Дрофа, 2005. 1214 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
4. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10-257.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
6. Савицкий В. М., Кулаева О. А. Концепция лингвистического континуума. Самара: изд-во «Научно-технический центр», 2004. 177 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Denisov P. N. Principles of language modeling (based on the material of auxiliary languages for automatic search and translation). Moscow: Moscow University Publishing House, 1965. 204 p.
2. Kunin A.V. The Great English-Russian phraseological dictionary. Moscow: Bustard, 2005. 1214 p.
3. Kunin A.V. The course of phraseology of the modern English language. Dubna: Phoenix+, 2005. 488 p.
4. Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics // Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school. Moscow: Gnosis, 1994. pp. 10-257.
5. Lotman Yu. M. The structure of a literary text. Analysis of the poetic text. Moscow: Azbuka; Azbuka-Atticus, 2018. 704 p.
6. Savitsky V. M., Kulaeva O. A. The concept of linguistic continuum. Samara: publishing house "Scientific and Technical Center", 2004. 177 p.

Для цитирования:

Савицкий В.М. Устойчивость лингвистических единиц: факторы, градация, типология // Гуманитарный научный вестник. 2023. №3. С. 7-12. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/03/Savitsky.pdf>

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7778149>

УДК 811.111

Мадай И.С., Баракина И.В.

Мадай Инна Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова» МО РФ, Россия, 194044, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6. E-mail: ismaday@mail.ru.

Баракина Инна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова» МО РФ, Россия, 194044, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6. E-mail: ivbarakina@bk.ru.

Формирование переводческой компетенции при обучении курсантов зрительно-письменному переводу

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования переводческой компетенции при обучении курсантов по дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Объектом исследования является процесс формирования переводческих умений при зрительно-письменном переводе военно-медицинских текстов. Целью статьи является определение наиболее эффективных способов формирования переводческой компетенции. Теоретической основой исследования выступили труды отечественных исследователей перевода и переводческой деятельности, в частности, посвященные изучению вопроса компонентной структуры переводческой компетенции. Материалом исследования явились учебные медицинские и военно-медицинские тексты, предназначенные для зрительно-письменного перевода по учебной дисциплине «Профессионально ориентированный перевод». Данная работа иллюстрируется примерами предпереводческих и переводческих упражнений.

Ключевые слова: формирование, переводческая компетенция, иностранный язык, обучение, курсанты, зрительно-письменный перевод, предпереводческие/ переводческие упражнения.

Maday I.S., Barakina I.V.

Maday Inna Sergeevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Military Medical Academy named after S.M. Kirov, Russia, Saint-Petersburg, Akademika Lebedeva str., 6. E-mail: ismaday@mail.ru.

Barakina Inna Valerevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Military Medical Academy named after S.M. Kirov, Russia, Saint-Petersburg, Akademika Lebedeva str., 6. E-mail: ivbarakina@bk.ru.

Formation of translation competence when teaching cadets visual written translation

Abstract. The article deals with the topical questions of the translation competence formation when teaching cadets according to the additional professional program “Translator in the professional communication”. The object of the given study is the process of formation of the translation skills when visual written translation of the military medical texts being performed. In the study, general scientific methods and the method of content analysis of scientific literature were applied. The purpose of this article is to suggest the most effective means of the formation of translation competence. The theoretical basis of the study was the works of domestic researchers dedicated to the translation and translation activity, exactly the study of component structure of the translation competence. The actual material of this study was training medical and military medical texts for the visual written translation on the academic discipline “Professionally oriented translation”. Examples of pre-translation and translation exercises illustrate this work.

Key words: formation, translation competence, foreign language, teaching, cadets, visual written translation, pre-translation/ translation exercises.

Военно-профессиональная коммуникация на международном уровне, составной частью которой является переводческая деятельность, осуществляется в ходе проведения совместных учебных подразделений, воинских частей и штабов видов (родов войск) Вооруженных Сил, решения задач военного и военнотехнического сотрудничества. Международное военно-медицинское сотрудничество также имеет место при выполнении миротворческих и гуманитарных операций, в том числе при проведении мероприятий по борьбе с коронавирусной инфекцией, в ходе выполнения работ по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, при проведении международных соревнований по военно-медицинскому многоборью и т.п.

Поскольку участие в международном военно-медицинском сотрудничестве вызывает необходимость «... не только в лингвистах-переводчиках, но и в специалистах нелингвистического профиля, а именно в переводчиках в сфере профессиональной коммуникации» [7, с.5], на кафедре иностранных языков Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова была разработана дополнительная профессиональная программа профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» [6]. В рамках обучения по данной программе, реализующей коммуникативные, когнитивные

(познавательные) и развивающие задачи, актуальным становится формирование и развитие переводческой компетенции курсантов. Особое внимание при этом мы уделяем практическому обучению по дисциплине «Профессионально ориентированный перевод», поскольку именно здесь у курсантов формируются и развиваются переводческие, в том числе военно-переводческие и референтские компетенции.

В ходе обучения курсантов зрительно-письменному переводу мы предлагаем наиболее эффективные способы формирования переводческой компетенции. При этом теоретической основой статьи выступили труды отечественных исследователей перевода и переводческой деятельности (И.С. Алексеевой, Л.С. Бархударова, Н.Н. Гавриленко, В.Н. Комиссарова, Л.К. Латышева, Р.К. Миньяр-Белоручева и др.), которые изучали переводческую компетенцию и ее компоненты с разной степенью детальности и/или обобщенности.

В качестве материала исследования мы использовали учебные медицинские и военно-медицинские тексты для зрительно-письменного перевода по учебной дисциплине «Профессионально ориентированный перевод». Основным источником данных текстов стали аутентичные материалы военно-профессиональной направленности, размещенные в сети Интернет, при этом они не подвергались никакой

адаптации, кроме сокращения объема. На протяжении 2021-2022 годов курсанты Военно-медицинской академии, обучающиеся по дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», выполняли предпереводческие и переводческие упражнения и переводили данные тексты.

Рамки данной статьи не предполагают глубокого изучения понятия переводческой компетенции, однако позволим себе вслед за другими авторами назвать В.Н. Комиссарова создателем целостной концепции переводческой компетенции, который считал, что в процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от «нормальной», непереводческой личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом [3, с. 326-328].

Поскольку профессиональная компетентность и, соответственно, профессиональные компетенции, которыми должен обладать переводчик, явление многогранное и крайне неоднородное, исследователи продолжают развивать идеи, сформулированные В.Н. Комиссаровым, относительно содержания переводческой компетенции и ее компонентного состава.

Так, М.В. Вербицкая, М.Ю. Соловов выделяют следующие инвариантные компоненты переводческой компетенции: коммуникативная субкомпетенция на двух языках, а также трансференциальная, предметно-специальная, техническая/ инструментальная, исследовательская/ поисковая, психофизиологическая субкомпетенции, самосовершенствование [2, с. 12-13].

Ю.П. Котлярова считает значимыми следующие компоненты переводческой компетенции:

- предметно-специализированный, реализуемый в таких умениях как: получать необходимые профессиональные зна-

ния в зависимости от степени важности околорепереводческой ситуации, планировать и организовывать свое самообразование, использовать полученные знания в профессиональной деятельности;

- квалификационный, который находит свое отражение в ключевом умении применять все многообразие средств и приемов переводческой деятельности для передачи полного коммуникативного и информационного содержания текста перевода;

- предметно-коммуникативный, показателями сформированности которого являются умения: обладать навыками комплексного восприятия околорепереводческой ситуации, увидеть и оценить коммуникативную ситуацию и адаптироваться к ней за короткий промежуток времени, умение применять коммуникативные знания в соответствии с нормами этики переводчика [4, с.59].

М.Г. Цуциева подразделяет профессиональную переводческую компетенцию на профессиональную переводческую компетенцию в письменном переводе и профессиональную переводческую компетенцию в устном переводе. Исследуя перевод в профессиональной деятельности военного врача, под элементарной переводческой компетенцией она понимает «способность выполнять устный двусторонний перевод в сфере профессиональной деятельности. Компонентами элементарной переводческой компетенции в области военной медицины являются профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция и переводческая компетенция» [7, с.23]. Кроме того, в переводческую компетенцию автор включает профессиональную этику, культуру речи переводчика, скорость его речи, технические приемы перевода, переводческие навыки и умения. Принимая за основу позиции вышеупомянутых авторов, мы рассматриваем формирование умений и навыков профессиональной переводческой компетенции в способности выполнять письменный и устный перевод военно-профессионального (в

нашем случае военно-медицинского) текста с иностранного (английского) языка и на иностранный язык.

Примером этому может служить зрительно-письменный перевод аутентичных профессионально ориентированных текстов (фрагментов из учебно-дидактической литературы, энциклопедических и научных/ научно-популярных статей, различных руководств и инструкций), который курсанты выполняют на занятиях по учебной дисциплине «Профессионально ориентированный перевод». Известно, что зрительно-письменный перевод часто используется при обучении переводу текстов по специальности в соответствии с тематическим принципом и предполагает разные варианты предварительной подготовки. Зрительно-письменный перевод складывается последовательно из подготовительного, основного и тренингового этапов [1, с.95-96].

Методика обучения переводческой компетенции курсантов военно-медицинского вуза должна быть направлена на развитие гибкости мышления, умения переключаться с одного языка на другой, постоянно расширять свой тематический кругозор и совершенствовать профессиональные навыки перевода. Процесс формирования переводческой компетенции мы считаем эффективным в том случае, когда процесс обучения строится согласно комплексу упражнений. На занятии в процессе подготовки к зрительно-письменному переводу курсанты выполняют предпереводческие упражнения, развивающие лингвистическую компетенцию.

Например, преподаватель дает задание выполнить лексические упражнения (на уровне слов и словосочетаний) и не делает акцент только на узкоспециальную терминологическую лексику. Цель данной серии упражнений – укрепление связей между звуковым образом лексических единиц и их значением.

Приведем пример такого упражнения, которое выполняется в ходе подготовки к зрительно-письменному переводу научно-популярного текста «Артериальная

гипертония у ветеранов и военнослужащих, находящихся на действительной службе» (from the article *Veterans and Active Duty Military Need to Be Especially Vigilant about High Blood Pressure*) [9]:

Прочитайте и переведите следующие словосочетания с английского языка на русский:

- silent killer («тихий убийца»), full-blown hypertension (гипертоническая болезнь), cardiac failure (сердечная недостаточность), coronary heart disease (ишемическая болезнь сердца), angina pectoris (стенокардия);

- Department of Defense (министерство обороны), active duty military and retirees (военнослужащие, находящиеся на действительной службе, и военные пенсионеры), tours of combat (командировки в зону боевых действий), combat stress (состояние боевого стресса), coping with the stress (борьба со стрессом);

- to face dangers bravely (стойко противостоят опасностям), to witness a death (быть свидетелем смерти), to track blood pressure (отслеживать показатели кровяного давления), to soar (about blood pressure) (стремительно расти).

Также на данном этапе выполняются упражнения на приобретение навыков языковых трансформаций, которые имеют целью тренировать обучающихся в замене выражений, состоящих из нескольких слов, одним или двумя словами [5, с.109]:

Замените словосочетания на более короткие:

high blood pressure → hypertension (высокое кровяное давление → гипертония), morbidity rate → incidence (частота заболеваний → заболеваемость), to take part in research → to research (принимать участие в исследовании → исследовать), members of the armed forces → military men (личный состав вооруженных сил → военнослужащие) и пр.

Для снятия грамматических трудностей курсанты выполняют упражнения, подобные приводимым ниже.

Переведите предложения, обращая внимание на Present Participle и Gerund:

1. The Military Health System (MHS) provides health care coverage to a wide spectrum of beneficiaries, including active duty and retired military personnel and their dependents.

2. In response to growing health care costs, Department of Defense decided to make changes in the MHS that mirrored those taking place in the civilian sector.

3. Cost plays a major role in choosing the right TRICARE health plan, but eligibility requirements matter too.

Переведите предложения с абсолютными конструкциями:

1. Insurance plans vary considerably, with some offering coverage for dental costs and others providing for mental health counseling and therapy.

2. Patients opting to be treated privately, they do not receive any funding for their treatment.

3. Individuals having been registered with any general practitioner, they can change to another doctor who is ready to add them to his list of patients.

Определите функцию инфинитива и переведите предложения:

1. To control the source and agencies means to prevent intestinal diseases.

2. To combat epidemic diseases certain drugs are given to every member of the command.

3. To develop a drug to target a specific disease, medicinal chemists try to understand the biological mechanism responsible for that condition.

В ходе основного этапа, который направлен на формирование переводческих навыков и умений, курсанты выполняют зрительно-письменный перевод связного текста с английского языка на русский и с русского языка на английский.

Тексты для выполнения зрительно-письменного перевода с английского языка на русский должны быть на изучаемую тему, включать активную лексику и грамматику, которые отрабатывались в предпереводческих упражнениях, и отражали лексические, грамматические и стилистические особенности языка.

Объем текста не должен превышать 1200-1400 знаков. Следует подчеркнуть, что тексты для выполнения зрительно-письменного перевода с русского языка на английский «...должны быть адекватны по содержанию английским текстам и содержать ту же самую активную лексику и грамматический материал, чем обеспечивается повторяемость проходимого материала» [5, с. 113-114].

Примерами такой содержательной преемственности могут служить следующие фрагменты текстов:

- Raised blood pressure remains the leading cause of death globally, accounting for 10.4 million deaths per year. In response to poor global awareness for hypertension (estimated 67% in high-income countries and 38% in low-income and middle-income countries), the ISH launched a global campaign to increase awareness of raised BP, namely the May Measurement Month Initiative (from the guidelines 2020 International Society of Hypertension (ISH). Global Hypertension practice) [10, с.983].

- Гипертония – одна из ведущих причин смертности во всем мире. Согласно оценкам, гипертониками являются 1,28 миллиарда взрослых в возрасте 30 – 79 лет во всем мире, из них большинство (две трети) живет в странах с низким и средним уровнем дохода. Согласно оценкам, 46% взрослых с гипертонией не подозревают о наличии у себя заболевания (из статьи Гипертония. Основные факты) [8].

В процессе работы над военно-профессиональными текстами вырабатываются пути преодоления трудностей, возникающих в процессе перевода как с иностранного языка на родной, так и с родного языка на иностранный, а также навыки овладения лексическими, лексико-семантическими, грамматическими, синтактико-грамматическими приемами и трансформациями, используемыми в переводе медицинских и военно-медицинских текстов.

Объем данной работы не предполагает всеобъемлющего анализа переводческой компетенции и ее компонентов. Тем не менее, рассмотренные в данной статье во-

просы формирования переводческой компетенции находят реализацию в разработанном комплексе упражнений, где основ-

ное внимание уделяется развитию умений комплексно решать переводческие проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство Союз, 2008. 288с.
2. Вербицкая М.В., Соловов М.Ю. Компоненты и уровни переводческой компетенции // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 9-18. Режим доступа к журн. URL: <https://cyberleninka.ru>vestnik-seriya-19> (дата обращения: 09.03.2023).
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
4. Котлярова Ю.П. Переводческая компетенция как многоаспектное теоретическое понятие // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2007. Т. 13. № 3. С. 55-59. Режим доступа к журн. URL: <http://cyberleninka.ru>seriya-pedagogika> (дата обращения: 09.03.2023).
5. Нелюбин Л.Л., Князева Е.Г. Переводческая лингводидактика: учеб.-метод. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2009. 320с.
6. Приказ МО от 26 ноября 2014г. №863 «Об организации подготовки курсантов образовательных организаций высшего образования Министерства обороны Российской Федерации по дополнительной профессиональной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».
7. Цуциева М.Г. Устный перевод в профессиональной деятельности военного врача (немецкий язык). СПб.: Изд-во НОУ «Экспресс», 2004. 119с.
8. Гипертония. Основные факты // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://who.int/ru/news-room/fact> (дата обращения 09.03.2023).
9. Veterans and Active Duty Military Need to Be Especially Vigilant about High Blood Pressure // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://helloheart.com>post-hypertension> (дата обращения 09.03.2023).
10. 2020 International Society of Hypertension. Global Hypertension practice // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://files.medelement.com>uploads> (дата обращения 09.03.2023).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Alekseeva I.S. Professional translator training: a textbook on interpretation and translation for translators and teachers. St. Petersburg: Soyuz Publishing House, 2008. 288s.
2. Verbitskaya M.V., Solovov M.Yu. Components and levels of translation competence // Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2010. No. 4. pp. 9-18. Access mode to the journal. URL: <https://cyberleninka.ru >vestnik-seriya-19> (accessed: 09.03.2023).
3. Komissarov V.N. Modern Translation Studies. Moscow: ETS, 2002. 424 p.
4. Kotlyarova Yu.P. Translation competence as a multidimensional theoretical concept // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile studies. Sociokinetics. 2007. Vol. 13. No. 3. pp. 55-59. Access mode to the journal. URL: <http://cyberleninka.ru >seriya-pedagogika> (accessed: 09.03.2023).
5. Nelyubin L.L., Knyazeva E.G. Translation linguodidactics: studies.- method. stipend. 3rd ed., reprint. and additional M.: Flint: Nauka, 2009. 320s.
6. Order of the Ministry of Defense of November 26, 2014 No. 863 "On the organization of training of cadets of educational institutions of higher education of the Ministry of Defense of the Russian Federation under the additional professional program "Translator in the field of professional communication".
7. Tsutsieva M.G. Interpretation in the professional activity of a military doctor (German). St. Petersburg: Publishing house of NOU "Express", 2004. 119с.

-
8. Hypertension. Basic facts // Electron. dan. URL access mode: <http://who.int/ru/news-room/fact> (accessed 09.03.2023).
 9. Veterans and Active Duty Military Need to Be Especially Vigilant about High Blood Pressure // Electron. dan. URL access mode: <http://helloheart.com> >post-hypertension (accessed 09.03.2023).
 10. 2020 International Society of Hypertension. Global Hypertension practice // Electron. dan. URL access mode: <http://files.medelement.com> >uploads (accessed 09.03.2023).
-

Для цитирования:

Мадай И.С., Баракина И.В. Формирование переводческой компетенции при обучении курсантов зрительно-письменному переводу // Гуманитарный научный вестник. 2023. №3. С. 13-19. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/03/Maday,Barakina.pdf>

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7778312>
УДК 929 + 908

Пакшина Н.А.

Пакшина Наталья Алексеевна, кандидат технических наук, доцент, доцент, Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 607224, г. Арзамас, ул. Калинина, д. 19. E-mail: nataliapakshina@mail.ru.

Мария Александровна Поливанова (урожд. Локкенберг) и семья Далея

Аннотация. Статья посвящена биографии жены Льва Ивановича Поливанова, основателя престижной московской гимназии, – Марии Александровне. Наряду с фактами общеизвестными, такими, как знакомство с Ф.М. Достоевским и участие в открытии в Москве памятника А.С. Пушкину, приводится рассказ о раннем периоде ее жизни и о семье, из которой она происходила. Рассмотрены фрагменты неопубликованных воспоминаний Ольги Владимировны Демидовой (урожд. Даль). Из них мы узнаем подробности общения Марии Александровны Поливановой (урожд. Локкенберг) с дочерьми Владимира Ивановича Далея. Знакомство с записями помогает представить уклады жизни этих семейств, взаимоотношения между старшим и младшим поколениями. В статье сделана попытка исправить ряд неточностей в биографии М.А. Поливановой, в частности, приведена точная дата ее смерти.

Ключевые слова: Локкенберги, Дали, Нижний Новгород, Поливановы, Москва, XIX столетие.

Pakshina N.A.

Pakshina Natalia Alekseevna, Candidate of technical sciences, associate professor, Arzamas Polytechnic Institute of R.E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, 19, Kalinina Str., Arzamas, 607224. E-mail: Nataliapakshina@mail.ru.

Maria Alexandrovna Polivanova (nee Lockenberg) and the Daley family

Abstract. The article tells about the wife of Lev Ivanovich Polivanov, the founder of the prestigious Moscow gymnasium, Maria Alexandrovna. Along with well-known facts, such as acquaintance with F.M. Dostoevsky and participation in the opening of the monument to A.S. Pushkin, a story is given about the early period of her life and about the family from which she came. Fragments of unpublished memoirs of Olga Vladimirovna Demidova (nee Dal) are considered. From them we learn the details of the communication of Maria Alexandrovna Polivanova (nee Lockenberg) with the daughters of Vladimir Ivanovich Dahl. Acquaintance with the records helps to imagine the way of life of these families, the relationship between the

older and younger generations. The article attempts to correct a number of inaccuracies in the biography of M.A. Polivanova, in particular, the exact date of her death is given.

Key words: Lockenbergs, Dali, Nizhny Novgorod, Polivanovs, Moscow, XIX century.

Мария Александровна Поливанова (урожд. Локкенберг) известна как жена Льва Ивановича Поливанова – основателя престижной в Москве гимназии, в которой некогда учились В. Брюсов, А. Белый, М. Волошин и многие другие. Именно в эту гимназию отдали на обучение сыновей писатели Л. Толстой и А. Островский, поскольку были уверены в качестве образования, которое можно было получить в этом расположенном на Пречистенке учебном заведении.

Возможно, кто-то из читателей встречал ее имя в связи с тем, что она переписывалась и лично общалась с Федором Михайловичем Достоевским. Переписка и встреча относятся к последнему периоду жизни писателя, а точнее к 1880 году. В тот год Л.И. Поливанов являлся председателем Комиссии по открытию памятника Пушкину в Москве, одним из *«непосредственных распорядителей Пушкинских торжеств, в организации которых близкое участие принимала и Поливанова, помогая мужу»* [6]. знакомство произошло 30 мая 1880 года, а личная встреча и продолжительная беседа состоялась после произнесения Федором Михайловичем знаменитой речи в зале Благородного собрания, вечером 9 июня 1880 года. Впрочем, об этом Мария Александровна и сама оставила воспоминания, которые позже опубликовал ее сын И.Л. Поливанов [11, с. 32]. Что касается переписки, то ее рас-

смотрел в деталях И.Л. Волгин в своей книге «Последний год Достоевского» [4].

В данной статье мы рассмотрим ранний, менее известный период жизни этой, безусловно, незаурядной женщины. Начнем с уточнения ее девичьей фамилии. В одном из источников о ней можно встретить *«Мария Александровна Поливанова (урожд. Наумова; 1840–1921) – жена Л. И. Поливанова»* [6]. Так ли это? Многие так, кроме *«урожд. Наумова»* и года смерти 1921.

Мария Александровна родилась в семье Александра Карла Локкенберга (1811–1875) и его супруги Паулины Элизабет Локкенберг (1815–1855).

Глава семьи являлся пастором Евангелическо-лютеранской церкви Св. Александра. Локкенберг находился на службе в Нижнем Новгороде более 35 лет (1840–1875), пользовался большим уважением среди прихожан, властей города и посещавших город иностранцев [3, с. 292]. Кроме того, Александр Локкенберг стал первым преподавателем немецкого языка в Нижегородском Мариинском институте и прослужил в этом учебном заведении 18 лет [14, с. 124]. Каменное здание Евангелическо-лютеранской церкви Святого Александра на нечетной стороне Большой Покровской улицы возвели в 1823 году. Это был типичный образец классической литературы. Здесь и служил Александр Локкенберг (рис. 1, 2).

Рис. 1. Лютеранская церковь

Рис. 2. Пастор А.К. Локкенберг
Св. Александра.

А немного позже, в 1831 году, но еще до приезда туда Локкенбергов, рядом с храмом построили двухэтажный из красного кирпича дом для пастора. Кстати, если храм в настоящее время снесен, то дом причта Лютеранской церкви сохранился, совр. адрес – Б. Покровская, 51 [8, с. 200, 201]. В этом самом доме и проживала большая семья А.К. Локкенберга. Детей в этой семье было пятеро, и Мария являлась старшей. Именно здесь и провела свои детские и юношеские годы наша героиня. Александр Карл Локкенберг был женат дважды. Его первой женой стала мама Маши – Паулина Элизабет, урожденная фон Веттершtrand (Pauline Elisabet von Wettstrand). Их брак был заключен 3 июня 1838 года. У супругов родились:

- дочь Мария (в замуж. Поливанова) (1840);
- дочь Эмилия (в замуж. Аллендорф) (1842);
- сын Густаф Адольф Эдуард (1842);
- сын Эрнст (1845);
- дочь Любовь (в замуж. Васильева) (1855).

В 1855 году Паулина умерла. Спустя некоторое время Александр Локкенберг женится повторно [9, с. 151].

В данной статье постараемся минимально повторять общеизвестные факты, и рассмотрим общение семьи Локкенбергов с членами семьи Далеи, которые проживали в Нижнем Новгороде с 1849 по 1859 годы. О пребывании Далеи в Нижнем Новго-

роде писали многие исследователи. Упомянем авторов наиболее известных книг: М.Я. Бессараб, В.И. Порудоминский, А.В. Седов [2; 12; 13]. И все они в той или иной мере касались вопроса контактов Владимира Ивановича с нижегородцами и приезжающими в этот город людьми. Практически все писали, что здесь регулярно бывал будущий писатель П. Мельников, тогда еще не взявший псевдоним Мельников-Печерский, нижегородские любители шахмат и почитатели гомеопатии. Во всех публикациях упомянуты визиты к В.И. Далю Н.А. Добролюбова, И.И. Пущина, Т.Г. Шевченко. О контактах с Локкенбергами мы можем прочесть разве что только в книге М.Я. Бессараб [2, с. 175, 176].

Дали поселились в доме Удельной конторы, управляющим которой в то время и являлся Владимир Иванович (рис. 3). При всем том, что данная фотография относится к более позднему времени, можно утверждать, что примерно так здание выглядело в период проживания в нем семьи В.И. Даля.

Корпус Удельной конторы в девять окон по Б. Печёрской и 11 окон – по Мартыновской являлся одним из самых крупных нижегородских зданий середины XIX века. Современный адрес здания – Большая Печерская, 25, но когда они там жили, нумерации, как таковой, еще не было [10, с. 100]. А совсем рядом с ним был разбит сад, это отчетливо видно на дореволюционной карте.

Рис. 3. Здание Удельной конторы Фото В.А. Зевеке, нач. XX века.

Семья, которую писатель привез в Нижний Новгород, была многочисленной. Кроме него и его жены (во втором браке) Екатерины Львовны, сына Льва (1834), до-

черей Юлии (1838), Марии (1841), Ольги (1843) и Екатерины (1845), с ним приехали теща Анна Александровна Соколова (урожд. кн. Путятин), сестра жены Ната-

ля Львовна. Более того, в их семью в Нижний на целый год приезжала сестра тещи Екатерина Александровна.

Но вернемся к контактам с Локкенбергами. Их знакомство не может вызывать сомнения, поскольку в начале 50-х XIX столетия лютеран в Нижнем Новгороде была не так много. Например, пастор Александр Локкенберг докладывал Нижегородскому губернатору о постоянном росте количества лютеран со 184 в 1850 году, до 220 в 1851 и до 249 человек в 1852-м [3, с. 293]. Учитывая, что в их число входили и старики, и дети, можно утверждать, что взрослые прихожане в большинстве своем были знакомы друг с другом.

С В.И. Далем А.К. Локкенберга в определенной мере могло сближать то, что в конце 20-х годов оба они жили в Дерпте и учились в одном университете, хоть и на разных факультетах - медицинском и теологическом.

Причиной общения этих семейств могло быть то, что и в одной, и в другой семье росло пятеро детей близкого возраста. Более подробно остановимся на контактах их старших дочерей, Марии Локкенберг и Юлии Даль. О них можно узнать, прежде всего, из воспоминаний дочери писателя Ольги Владимировны Демидовой (урожд. Даль). Записи хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, и пока не опубликованы в полном объеме [7]. Поместим небольшой фрагмент, описывающий события осени 1859 – зимы 1860 года, когда семья Далей уже перебралась в Москву:

«Среди нашей все-таки одинокой жизни нежданно явилась к нам из Нижнего Новгорода Машенька Локкенберг, пасторская дочка. Юля обрадовалась ей и глазам своим не верила. Мы осыпали ее вопросами и ее немножко путанные ответы сходились к одному, что она вновь приехала к Суцовой, у которой однажды уже провела лето, для племянницы ея Поливановой. – А зачем теперь приехала? – Сдавать экзамен в университет, говорила она.

– Что же ты к нам, Машенька, не приехала, – ласково сказал ей мать.

– Ты знаешь, что мы всегда были хороши с твоими родителями, что покойную мать твою я любила и желала бы сделать для тебя все, что могу.

Мария благодарила, говоря, что теперь ей отказаться неудобно, но что впредь она примет с удовольствием это приглашение, так как не уверена, кончит ли экзамен в эту зиму. Ей придется много готовиться. Что она говорила с Юлею, то дня нас осталось тайною, но им обоим как-то особенно хотелось видиться у Суцовой в доме, хотя бы только один раз. Юля считала это невозможной выдумкою, а Мария шла храбро устраивать. На все препятствия со стороны матери она умела дать ответ, и как-то оказалось, что преграды все разрушены. За Юлей придут в Суцевской карете, будет и ласка. Что дом почтенный и благонадежный. В этом, кажется, никто не сомневался.

В назначенный день карета приехала. Юля, с запискою в руках, подошла к отцу. Он неприятно удивился.

– Как ехать? Куда?

Юля пояснила.

– И тебе непременно нужно?

Она стушеввалась.

– Но ведь карета уже приехала...

– Что за причина! Маменька будет беспокоиться ...Какая надобность?

– Да ведь все сговорено уже...

– Что же тебе карета дорожке маменькиного спокойствия? – совершенно расстроенный говорил отец. Юля была готова расплакаться. Она уже рада была бы отказаться, лишь бы выпутаться из такого смелого мероприятия.

В полном отчаянии влетела она к нам в комнату. Я настаивала, чтобы она ехала, во что бы то ни стало. Она колебалась, и эта поездка не доставила бы ей удовольствия.

– Если бы я умела хоть отказаться! – говорила она, утирая слезы. – Ведь я не

знаю, как быть и что мне сделать с каретой.

– А, по-моему, надо идти к матери и спросить прямо указания, как тебе поступить.

Мать увидела заплаканные глаза Юли и полную ее покорность. Она сказала, что жертвы не требует, но что пусть это будет единственный раз, что она из нас едет в незнакомый дом. И пусть это отнюдь не служит примером для сестер. И Юля уехала.

Не помню, долго ли оставалась в тот год Машенька Локкенберг в Москве, но ее присутствие у нас было скорее приятно для Юли, чем для нас, так как она и **по Нижнему числилась всегда ее подругой**» [7, л. 70-87].

Как видим, уклад жизни в доме Далея был невероятно строгим, по крайней мере, по отношению к дочерям. Что там говорить о посещении чужих домов, когда даже переписку с родным братом Львом мать проверяла, читая вслух как входящие, так и отправляемые ему письма. Единственное исключение было сделано для Юли, причем «**Право такой переписки выхлопотал себе Лев с совершеннолетием Юли. Этим немало попрекали ее, а нам выставляли, как пример недостойный подражания**». В чем причина таких строгостей? Может быть в том, что мать была выпускницей Патриотического института? На других страницах воспоминаний мы можем прочесть: «**Юля затосковала с первых дней.... Мне в 17 лет была и тяжка разлука с братом на целых 6 лет, но еще тяжелее было Юле в ее 22. Разлука с братом ей была чувствительнее. Под таким грустным впечатлением стала я однажды писать брату. Письма у нас были общим достоянием, как получаемые, так и отправляемые. Мы должны были прочитывать свои матери вслух, так как она сама, по слабости глаз, не могла читать**» [7, л. 47, 48].

Говоря о Марии Локкенберг, уместно упомянуть о том, что «**Маша в совершенстве знала немецкий язык, была прекрасная музыкантша-пианистка, а главное –**

умница каких мало: веселая, чуткая, отзывчивая, всем интересующаяся, и мастерица на всякое домашнее дело и рукоделие» [5, л. 77]

И, не только с Юлией Даль дружила Мария Локкенберг. Например, Ольга Даль в своих записках не раз упоминала о том, что «**во время этой продолжительной разлуки с Мари, мы с нею иногда переписывались и наши записки принимали размеры довольно обширные**». И далее девушки продолжали общаться: «**Ко всем моим радостям прибавилась еще последняя: приближалось время приезда в Москву Мари Поливановой с мужем. Это для меня сулило много счастья впереди. По мере того как это событие приближалось, я все громче и громче заявляла о нем свою радость**» [6, л. 564].

А позднее, когда у Поливановых появиться дочка, в крестные матери позвали Ольгу и назвали девочку в ее честь [5, л. 78].

Когда Юля заболела, как вспоминала ее сестра: «**Что у нее было – мы не знали, но это была действительно болезнь нешуточная. Юля долго лежала, сильно кашляла, и наши отцы перетрусили и послали опять за доктором. Что он сказал, мы не знали и вдвоем с Мари решили, что надо об этом написать Льву. Мари взялась съездить тайком к доктору <Штруну?> спросить его мнение о Юлиной болезни и передать дословно Льву. Определенье было какое-то неясное. Но все же была помянута и печень, наследственная болезнь матери Юлиной. Пока мы писали Льву, у Юли показалась сыпь. ... Это оказалась корь. За нею захворали и мы с Катей и, кажется, доставили много хлопот матери**» [7, л. 365].

Со своим будущим мужем Ольга также познакомилась через Марию Локкенберг. Более того, первое посещение дома Далея Платоном Демидовым (тогда просто знакомым, а еще не женихом Ольги) прошло тоже не без посредничества Марии или Мари, как ее часто называли. Вот как описала этот случай спустя много лет Ольга Владимировна:

«Еще не вполне я оправилась, когда однажды явилась к нам Мари, как-то спешно, с разными пожитками в руках, не раздеваясь, вошла она к нам в комнату. Мы ужасно ей обрадовались и всячески удерживали ее, закидывая вопросами. Она спешила. Кто-то ждал ее, и ей нужно было отдать для переделки свою новую шляпку. Леоп подарил, сказала она. Она тут в передней, хотите посмотреть? Сбегайте кто-нибудь. Там у человека моего спроси.

– Ты с лакеем? Все удивились. Мари рассмеялась.

– Ну что же тут особенного?

Шляпа была принесена и по достоинству оценена. Лиловая, бархатная с мехом. Мари, собрав вещи, стала прощаться.

– Ну, а ты что-же Ольга? Или разлюбила меня?

Я жалобно на нее посмотрела.

– Целовать я тебя не могу, ведь у меня была оспа после всех, а в переднюю проводить не смею, я ведь туда не выхожу.

– Какие нежности! Посмеялась она надо мною и исчезла.

Взглянув на ее лакея, Юля объявила по-немецки:

– Какой у тебя хорошенький, румяный лакей!

И помянутое создание пробкой вылетело в дверь. Мари последовала за ним. Это вызвало новое замечание.

– Какой ловкий! Вперед ушел, а еще лакей!

– Не привык, крикнула Мари, уже затворяя за собой наружную дверь, за которой послышался ее громкий хохот.

И действительно не привык, потому что он никогда и не бывал лакеем, а был это: озорник-студент Платон Демидов, которому было завидно, что Долгов пробрался в Далевский дом, а он – нет. После этого он хвастал, что тоже был, но ему не верили и заставляли описывать все и всех.

– А Ольга Даль?

– Вот ее то и не видал. Не выпустили в прихожую, а дальше я не ходил и только из двери видел комнату Влад. Ив.

Недаром уже отец боялся студентов! Ни один толковый человек не выдумал бы такой штуки» [7, л. 368-372].

И после девушки продолжали общаться: «Ко всем моим радостям прибавилась еще последняя: приближалось время приезда в Москву Мари Поливановой с мужем. Это для меня сулило много счастья впереди. По мере того как это событие приближалось, я все громче и громче заявляла о нем свою радость» [7, л. 564].

Когда никто уже не сомневался в серьезности заболевания Юлии, старший брат Лев Даль приехал и забрал ее в Италию, а точнее в Рим. Там Лев, будучи на стажировке, очень много работал, и по этой причине часто отсутствовал. Больной было очень одиноко с сиделкой итальянкой. Решили вызвать из Москвы сестру Ольгу, которая, пожалуй, была Юле духовно ближе всех из ее домашних. Не случайно, еще до отъезда из Москвы они во вместительном доме на Пресне жили в одной комнате. Сопровождающим лицом в этой поездке стала опять давняя подруга Юлии – Мария Александровна Локкенберг, которая в то время уже вышла замуж и носила фамилию мужа – Поливанова. Свою маленькую дочку Олю с кормилицей она договорилась оставить на время поездки у Далея. Девушки застали Юлию в живых, но при них она прожила немногим больше трех дней.

Исследователь Н.Ф. Филатов пишет: «Выручила родственница Мария Поливанова, заявившая, что поедет сама и отвезет Ольгу» [15, с. 20]. Уточним относительно родственницы: это не совсем так – М.А. Поливанова и О.В. Даль через полгода, 5 июня 1864 года станут свойственницами. Ольга Даль выйдет замуж за Платона Александровича Демидова, который доводился Льву Ивановичу Поливанову кузеном. А дети Марии и Ольги действительно будут приходиться друг другу троюродными сестрами и братьями.

Мария Поливанова проживет долгую и очень непростую жизнь, будет растить пятерых детей, и на ее долю выпадут серьезные семейные неурядицы.

Известно, что в 1901, т.е. после смерти мужа, она жила со своим старшим сыном Иваном Львовичем на Пречистенке в доме Пегова. Умерла она не в 1921 году, как сказано в большинстве генеалогических источников, а несколько раньше. Ее внучатая племянница, Кира Александровна Аллендорф, которая вела дневник, указала точную дату и некоторые малоизвестные подробности:

«3 марта приехала бабушка из Нежина, бабушка приехала потому, что бабушке Поливановой должны были делать операцию; операция прошла благополучно, но потом сделалось осложнение, у бабушки сделался нарыв в животе, и пришлось опять резать. Бабушка из Нежина уехала 18 марта.... произошло очень грустное происшествие. Я уже писала раньше, что у бабушки Поливановой был аппендицит,

но оказалось, что у бабушки был рак (мама от нас скрывала). ...» [1].

«Бабушка из Нежина» – младшая сестра М.А. Поливановой – Эмилия Александровна Аллендорф (урожд. Локкенберг). Мария Александровна Поливанова (урожд. Локкенберг) скончалась 7 июня 1916 года, а похоронили ее на Новодевичьем монастыре 9 числа. Итак, мы рассмотрели вопрос многолетних контактов представителей семей нижегородского пастора А. К. Локкенберга и знаменитого писателя, филолога В.И. Даля. Была сделана попытка ликвидировать ряд неточностей, которыми изобилует биография жены главы известной частной мужской московской гимназии Поливанова – Марии Александровны Поливановой (урожд. Локкенберг).

Попутно введены в научный оборот фрагменты неопубликованных воспоминаний Ольги Владимировны Демидовой (урожд. Даль) и ее дочери Ольги Платоновны Вейсс (урожд. Демидовой) [7; 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллендорф К. А. Дневник Киры Александровны Аллендорф // Электронный корпус. Режим доступа. URL: <http://olifantoff.ru/allendorf-k/> (дата обращения 11.03.2023).
2. Бессараб М. Я. Владимир Даль. М.: Московский рабочий, 1968. 264 с.
3. Бойченко Я. И. О лютеранах в России, Нижнем Новгороде и не только... / Ярослав Бойченко. Нижний Новгород: Поволжье, 2007. 578 с.
4. Волгин И. Л. Последний год Достоевского / предисл. Д. Лихачева. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 780 с.
5. Демидова (в первом браке Вейс) О.П. Воспоминания [Рукопись]: главы I-VIII, X-XV - [Б. м.], 1922. 168 л.
6. Достоевский. Материалы и исследования. Т. 13. К 175-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. С.-Пб: Наука, 1996. Режим доступа. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_1880_pisma_polivanovoy.shtml (дата обращения 11.03.2023)
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1141. Оп. 1. Д. 395.
8. Орельская О. В., Петряев С. В. Улица Большая Покровская: прогулки во времени: [науч.-попул. изд.] [рец. А.А. Кузнецов, Р.В. Кауркин, С.М. Шумилкин]. Н.Новгород: Бегемот, 2015. 247 с.
9. Пакшина Н. А. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц в лицах. Новосибирск: ООО Академиздат, 2022. 416 с.
10. Пакшина Н. А. Нижегородские адреса Льва Владимировича Даля // Приволжский научный вестник. 2016. № 12-2(64). С. 97-109.
11. Поливанова М. А. [Запись о посещении Достоевского 9 июня 1880 г.] // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 32.
12. Порудоминский В. И. Жизнь и слово: Даль. Повествование / послесл. В.П. Аникина. М.: Мол. Гвардия, 1985. 222 с.

13. Седов А. В. Нижегородский подвиг В. И. Даля / Департамент образования и науки Администрации Нижегород. обл. и др. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ин-та повышения квалификации работников образования, 1993. 139 с.
14. Снежневский В. И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц. 1852-1902 гг. Нижний Новгород, 1902. 141 с.
15. Филатов Н. Ф. Лев Владимирович Даль. Художник, архитектор, исследователь мировой и русской национальной культуры. Нижний Новгород: б.и. типография ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 1999. 127 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Allendorf K. A. Diary of Kira Alexandrovna Allendorf // Electronic corpus. Access mode. URL: <http://olifantoff.ru/allendorf-k/> (accessed 11.03.2023).
2. Bessarab M. Ya. Vladimir Dal. M.: Moscow worker, 1968. 264 p.
3. Boychenko Ya. I. About Lutherans in Russia, Nizhny Novgorod and not only... / Yaroslav Boychenko. Nizhny Novgorod: Volga region, 2007. 578 p.
4. Volgin I. L. The last year of Dostoevsky / preface by D. Likhachev. M.: AST Publishing house: Editorial office of Elena Shubina, 2017. 780 p.
5. Demidova (in the first marriage of Weiss) O.P. Memoirs [Manuscript]: chapters I-VIII, X-XV - [B. M.], 1922. 168 l.
6. Dostoevsky. Materials and research. Vol. 13. To the 175th anniversary of the birth of F.M. Dostoevsky. S.-Pb: Nauka, 1996. Access mode. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_1880_pisma_polivanovoy.shtml (accessed 11.03.2023)
7. Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNB). F. 1141. Op. 1. d. 395.
8. Orejskaya O. V., Petryaev S. V. Bolshaya Pokrovskaya Street: walking in time: [scientific and popular ed.] [rec. A.A. Kuznetsov, R.V. Kaurkin, S.M. Shumilkin]. N.Novgorod: Behemoth, 2015. 247 p
9. Pakshina N. A. Nizhny Novgorod Mariinsky Institute of Noble Maidens in persons. Novosibirsk: Akademizdat LLC, 2022. 416 p.
10. Pakshina N. A. Nizhny Novgorod addresses of Lev Vladimirovich Dahl // Volga Scientific Bulletin. 2016. No. 12-2(64). pp. 97-109.
11. Polivanova M. A. [Record of Dostoevsky's visit on June 9, 1880] // Voice of the Past. 1923. No. 3. p. 32.
12. Porudominsky V. I. Life and the word: Distance. Narration / afterword by V.P. Anikina. M.: Mol. Guardia, 1985. 222 p.
13. Sedov A.V. Nizhny Novgorod feat V. I. Dal / Department of Education and Science of the Administration of the Nizhny Novgorod Region, etc. N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod. institute of advanced training of education workers, 1993. 139 p.
14. Snezhnevsky V. I. Nizhny Novgorod Mariinsky Institute of Noble Maidens. 1852-1902. Nizhny Novgorod, 1902. 141 p.
15. Filatov N. F. Lev Vladimirovich Dal. Artist, architect, researcher of world and Russian national culture. Nizhny Novgorod: B.I. printing House of N. I. Lobachevsky National State University, 1999. 127 p.

Для цитирования:

Пакшина Н.А. Мария Александровна Поливанова (урожд. Локкенберг) и семья Далей // Гуманитарный научный вестник. 2023. №3. С.20-27. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/03/Pakshina.pdf>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7778494>
УДК 159.9

Ворошилова Е.А.

Ворошилова Екатерина Александровна, аспирант, Донской государственный технический университет, Россия, 344000, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1. E-mail: mrs.voroshilova@gmail.com.

Триггеры употребления психоактивных веществ в подростковом возрасте

Аннотация. В статье рассматриваются триггеры, влияющие на приобщение подростков к употреблению психоактивных веществ (ПАВ) и формирование у них аддиктивного влечения. Актуальность исследования определяется тем фактом, что в современном обществе возрастает воздействие стрессоров на население, и, как следствие, растет количество людей, злоупотребляющих психоактивными веществами, в том числе подростков. Рассматриваются стадии превращения употребления ПАВ в психологическую зависимость, дается краткая характеристика триггерам употребления ПАВ подростками, а также ряду факторов, повышающих риск приобщения подростков к употреблению психоактивных веществ. Автор обращает внимание на необходимость информационной подготовки к проведению профилактических мероприятий, делает акцент на методах первичной профилактики употребления ПАВ.

Ключевые слова: психоактивные вещества, подростки, методы первичной профилактики, психологические триггеры, аддиктивное поведение.

Voroshilova E.A.

Voroshilova Ekaterina Aleksandrovna, postgraduate student, Don State Technical University, Russia, 344000, Rostovregion, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1. E-mail: mrs.voroshilova@gmail.com.

Triggers of substance use in adolescence

Abstract. The article discusses the triggers affecting the initiation of adolescents to the use of psychoactive substances (surfactants) and the formation of their addictive drive. The relevance of the study is determined by the fact that in modern society the impact of stressors on the population is increasing, and, as a result, the number of people abusing psychoactive substances, including adolescents, is growing. The stages of transformation of the use of surfactants into psychological dependence are considered, a brief description of the triggers of the use of surfactants by adolescents is given, as well as a number of factors that increase the risk of adolescents becoming involved in the use of psychoactive substances. The author draws attention to the

need for information preparation for preventive measures, focuses on the methods of primary prevention of the use of surfactants.

Key words: psychoactive substances, adolescents, primary prevention methods, psychological triggers, addictive behavior.

В современной науке принято считать, что проблема влечения подростков к употреблению психоактивных веществ (ПАВ) является одной из наиболее актуальных в последние годы.

Опираясь на данные, представленные Главным управлением по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУНК МВД России), можно отметить, что за последние пять лет количество подростков, употребляющих ПАВ, выросло на 20%, а смертность от передозировки выросла на 50% [4].

Это позволяет сделать вывод о росте числа зарегистрированных наркозависимых и алкозависимых подростков, что свидетельствует об актуальности проблемы употребления ПАВ в практической и научно-теоретической плоскости.

Как известно, не у всех потребителей ПАВ развивается зависимость, поскольку на это влияет множество факторов. Стоит отметить, что и сам вид психоактивного вещества, и способ его употребления также влияет на формирование зависимости.

Существует тонкая грань между экспериментами с ПАВ у подростков и реальной зависимостью. Как правило, подростки, пробуящие ПАВ, хотят получить «положительные» эмоции или же рассматривают употребление как способ справиться с накопившимся стрессом и расслабиться. Также триггерами употребления подрост-

ками ПАВ выступают следующие факторы: психоэмоциональное состояние, занимаемое положение в социуме, близкое окружение и даже его личностные качества. Психоактивные вещества влияют на работу центральной нервной системы, что в свою очередь приводит к психологическим расстройствам, включая полное изменение состояния сознания и изменение личности. Нередко подростки, пробуящие ПАВ, убеждены в том, что смогут прекратить практику употребления психоактивных веществ в любой момент и в целом не задумываются о последствиях их употребления [5].

Как подчеркивают Автономов В.А. и Дегтярева Т.П. [1, с. 28], желание попробовать запрещенные вещества, частота употребления со временем перерастает в привычку преодолевать эмоциональную нагрузку и проблемы при помощи наркотических веществ, а далее и в способ избавления от абстинентного синдрома. В отличие от модели Автономова В.А. и Дегтяревой Т.П. мы склонны рассматривать формирование зависимости не как результат переживания опыта удовольствия от ПАВ, а как итог практики употребления психоактивных веществ (рис 1). В таком случае представленная модель демонстрирует сущностные аспекты процесса формирования устойчивой зависимости, справиться с которой без помощи специалистов уже крайне сложно.

Рис. 1. Стадии превращения употребления ПАВ в психологическую зависимость.

Как показывает практика, даже однократный прием ПАВ может вызвать непреодолимое желание повторить полученный опыт, что и приводит к формированию зависимости. В данном случае подростку нужна уже будет исключительно профессиональная помощь, однако справиться с искушением и провести профилактические мероприятия могут в первую очередь родители и преподаватели, если найдут правильный подход к детям в этот непростой период.

Триггеры употребления ПАВ подростками в первую очередь связаны с обстановкой в семье. Например, испытывает ли ребенок психологическое давление со стороны родителей? Зачастую банальное желание родителей «сделать как лучше» для ребенка оборачивается огромным стрессом, справиться с которым он пытается при помощи различных психоактивных веществ. Есть ли зависимости у родителей или близких родственников, как относятся они к употреблению ПАВ в целом, и как часто они употребляют их? Кроме того, немаловажную роль играет и поведение родителей, употребляющих психоактивные вещества, например, употребление алкоголя. Все это является триггерами, толкающими подростков к первой пробе. Также не стоит забывать, что подростковый возраст в целом довольно сложный этап в жизни ребенка, он взрослеет, проходит различные этапы социализации, осознает ответственность перед обществом, меняется его мышление и происходит переоценка ценностей.

Помимо вышеназванных можно выделить следующие триггеры:

1. давление со стороны сверстников, стремление быть как все. Неумение отказывать и говорить «нет»;
2. желание испытать новые ощущения;
3. употребление ПАВ, как способ справиться со стрессом, уйти от реальности, найти выход из сложной ситуации;
4. стремление казаться взрослым.

Также существует и ряд факторов, повышающих риск приобщения подрост-

ков к употреблению психоактивных веществ. К ним относятся:

1. генетическая предрасположенность, которая в первую очередь влияет на скорость формирования привычки;
2. психологические факторы, такие, как слабая сила воли, отсутствие цели и стремления в жизни, желание получить что-то (в данном случае удовольствие) не прилагая усилий и многие другие.
3. социальные факторы: обстановка в семье, взаимоотношения с ближайшим окружением, положение в обществе и компании друзей.

Говоря о злоупотреблении подростками психоактивными веществами, стоит упомянуть и термин «аддиктивное поведение». Так как зависимость у подростков появляется не сразу, и в целом может и не сформироваться, целесообразно рассматривать тягу к психоактивным веществам, как аддиктивное поведение, под которым понимается злоупотребление различными веществами, изменяющими психическое состояние, включая алкоголь и курение табака, до того, как от них сформировалась физическая зависимость [3, с. 109]. Отталкиваясь от значения данного термина, мы понимаем, что речь идет не о медикаментозном лечении, а о профилактических мероприятиях.

Опыт проведения профилактических мероприятий свидетельствует о том, что даже действенные методы первичной профилактики могут давать сбой. Поэтому организация и проведение профилактических мероприятий должны опираться на знание первичных признаков, указывающих на употребление ПАВ. К ним можно отнести изменение поведения и режима дня, беспричинную раздражительность и агрессию, резкую перемену настроения, ухудшение мыслительного процесса. Также можно отметить и визуальные изменения, такие, как: покраснение лица и глаз, чрезмерная потливость, сильно расширенные или суженные зрачки, несоответствующие освещению, повышенный аппетит, нарушение координации, постоянная жажда, резкое изменение массы тела.

В настоящее время в профилактике употребления ПАВ среди подростков используется ряд методов: информационный метод (просвещение подростков, их родителей и обучающий персонал); личностно-ориентированный метод; социально-воздействующие методы; когнитивно-поведенческие методы; метод, основанный на жизненных умениях. [2]. Если же говорить о методах первичной профилактики употребления ПАВ, то в данном случае следует выделить роль родителей. Взаимоотношения в семье и умение общаться друг с другом являются важнейшими факторами качественной профилактики употребления психоактивных веществ. Кроме того, личный пример является более эф-

фективным методом профилактики, чем запугивание и запреты. Отказ родителей от употребления психоактивных веществ (в данном случае речь идет о табакокурении и употреблении спиртных напитков) – лучший способ предотвратить употребление ПАВ детьми. Кроме того, родители и подростки всегда могут позвонить на горячую линию доверия, чтобы получить консультацию или же обратиться за профессиональной помощью. Это свидетельствует в пользу того, что профилактика аддиктивного поведения и противодействие триггерам употребления ПАВ является успешной в случае психологического и социально-психологического взаимодействия в первичных группах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов В.А., Дегтярева Т.П. Триггеры к употреблению ПАВ и методы психотерапии // Наркология. №2. 2016. С. 26-33.
2. Ворошилова Е.А. Психологические методы первичной профилактики наркозависимости подростков в России и за рубежом // Молодой исследователь Дона. № 5. 2021. С. 126-130.
3. Современные формы антинаркотической профилактической работы в образовательной организации: Сборник методических материалов для специалистов в области антинаркотической профилактики и педагогов по работе с обучающимися разных возрастных групп / З.М. Саранщина, С.В. Орлов, О.С. Трофимова. Мурманск: ГАУДПО МО «Институт развития образования», 2019. 86 с.
4. Главное управление по контролю за оборотом наркотиков. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/gunk.
5. Методические рекомендации для родителей и педагогов Построение взаимоотношений с детьми в случае выявления признаков употребления психоактивных веществ. Нижний Новгород, 2012. URL: https://www.edusarov.ru/docs/roditelyam/Rodit_sobranyiye/Metod_sbornik.pdf.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Avtonomov V.A., Degtyareva T.P. Triggers for the use of surfactants and methods of psychotherapy // Narcology. No.2. 2016. pp. 26-33.
2. Voroshilova E.A. Psychological methods of primary prevention of drug addiction of adolescents in Russia and abroad // Young researcher Don. No. 5. 2021. pp. 126-130.
3. Modern forms of anti-drug preventive work in an educational organization: A collection of methodological materials for specialists in the field of anti-drug prevention and teachers working with students of different age groups / Z.M. Sarantsina, S.V. Orlov, O.S. Trofimova. Murmansk: GAUDPO MO "Institute of Education Development", 2019. 86 p.
4. The Main Directorate for Drug Control. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/gunk.
5. Methodological recommendations for parents and teachers Building relationships with children in case of detection of signs of the use of psychoactive substances. Nizhny Novgorod, 2012. URL: https://www.edusarov.ru/docs/roditelyam/Rodit_sobranyiye/Metod_sbornik.pdf.

Для цитирования:

Ворошилова Е.А. Триггеры употребления психоактивных веществ в подростковом возрасте // Гуманитарный научный вестник. 2023. №3. С.28-32. URL:<http://naukavestnik.ru/doc/2023/03/Voroshilova.pdf>